

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

В.И. Спиридонова

Контуры многоцивилизационного мира

Valeria I. Spiridonova

Horizons of the multicivilizational world

С начала XXI в. в незападном мире (в Китае, России, Индии) начался объективный процесс становления «плюрилатерального миропорядка» с опорой на новые мировые структуры – «государства-цивилизации», что зафиксировало начало «раскола современности», «оспаривание европейской модерности» в качестве безальтернативной универсальной модели развития. Этот процесс совпадает с логикой Ф. Броделя, который утверждал наличие самодостаточных «миров-цивилизаций» (России, Китая, Индии, Турции), которые до поры были «зонами молчания», «спящими» цивилизациями. Такой подход предполагает равенство этих цивилизаций с евро-атлантической цивилизацией, единственным преимуществом которой является ее обстоятельное «историографическое» исследование по сравнению с другими.

К существенным характеристикам евро-американской «мир-цивилизации» относят последовательное перемещение центра и периферии, кульминацией которого стало возвышение США; идею «чистого листа», «пустого» пространства как источника утверждения особого предназначения, исключительности, мессианства американской нации; категорию «фронта», сопряженную с принципом «очищаемой территории», основы современной американской завоевательной политики; реализацию принципа «terra nullius», «ничейной земли», преобразования глобального фронта в открытое пространство имперского суверенитета; жесткое разделение народов в рамках дихотомии «цивилизация» – «варварство». Согласно исторической логике и методологии Ф. Броделя, евро-американская «мир-цивилизация» имеет устойчивые материальные и культурно-идентификационные пределы распространения.

Сохранение глубинных структур, вновь вступающих во «время мира» цивилизаций – российской, китайской, индийской – происходит через «цивилизационные» или «долговременные» отказы, отрицающие разрушительные для их сущности заимствования. Главной задачей России является поиск нового энергетического импульса самоидентификации, который выражается в смене онтологического вектора развития, сформулированного Н.С. Трубецким в понятии «геополитического задания» народа, в качестве которого сегодня выступает реализация идеи «русского Севера», «Северной Евразии».

Ключевые слова: многоцивилизационный миропорядок, государство-цивилизация, раскол современности, мир-цивилизация, «цивилизационный отказ», геополитическое задание, Северная Евразия.

Since the beginning of the 21st century an objective process of the formation of a “plurilateral world order” has been starting in the non-Western world (China, Russia, India). It is based on new world structures – “Civilization-States”, which fixed the “split of modernity”, the new challenge for the European modernity as a non-alternative universal development model. This process coincides with the logic of F. Braudel, who argued for the existence of self-sufficient “World-Civilizations” (Russia, China, India, Turkey) which were up to now “zones of silence”, “sleeping” civilizations. This approach justifies the equality of these civilizations with the Euro-Atlantic civilization, whose only benefit consists of thorough “historiographical” study of this civilization in comparison with others.

The essential characteristics of the Euro-American “World-Civilization” include the successive displacement of the center and the periphery, which culminated in the rise of the USA; the idea of a “blank slate”, “empty” space as a source of the American nation’s exclusivity and messianism; the category of “frontier”, coupled with the principle of “cleaning out the territory” as a basis of the modern American conquest policy; implementation of the “terra nullius”, “nobody’s land” principle for the transformation of the global frontier into an open space of imperial sovereignty; a rigid division of peoples within the “civilization” – “barbarism” dichotomy.

According to the historical logic and methodology of F. Braudel, Euro-American “World-Civilization” has stable material and cultural-identical limits of spread. At the same time Russian, Chinese, Indian civilizations preserve their identity through “civilizational” or “long-term” refusals.

The main task of Russia is to find a new energy impulse for self-identification based on a change of the ontological vector of development, formulated by N.S. Trubetskoy in the concept of “geopolitical task” of the people. Today it may be implemented by the idea of the “Russian North” and “Northern Eurasia”.

Keywords: multicivilizational world order, Civilization-State, split of modernity, World-Civilization, “civilizational failure”, geopolitical task, Northern Eurasia.

И заря, как гром, приходит
через море из Китая...

Р. Киплинг. Мандалей.

Пер. З.Е. Полонской

И зарю раскатом грома из-за моря
шлет Китай!

Р. Киплинг. Мандалей.

Пер. И. Грингольц

An' the dawn comes up like thunder
outer China 'crosst the Bay!

J.R. Kipling. Mandalay

Проблема предела существования однополярного мира стала активно обсуждаться в начале XXI в. [1], [38], [28], [29]. Речь шла о кризисе глобализации, ослаблении «американской империи», конце американского лидерства. При этом, несмотря на то, что появились рассуждения о вероятности

становления нового многополярного, или «плюрилатерального мира», проблема его качества, в частности, возможности сосуществования множественности цивилизационных моделей, осталась в тени дискуссии. «*Основным противоречием текущего момента* в этой связи становится противоречие между декларируемым проектом многополярного мира... и отсутствием проекта многоцивилизационного мира... отсутствие осознания его необходимости» [16, с. 24]. «Структура момента» такова, что даже в ситуации признания неизбежности переформатирования мирового порядка и важности новых форм его воплощения, в евро-американском интеллектуальном поле не спешат отказываться от продвижения неолиберальной евро-американской модели в качестве универсальной. В то же время «не-западные» страны предлагают иные подходы, концентрируясь на идее разнообразия цивилизационных проектов развития.

«Цивилизационное государство» как проект развития не-западных стран

В конце XX – начале XXI в. появилось и стало распространяться такое новое понятие, как «государство-цивилизация», которое по мере аналитического осмысления этой категории ее приверженцами трансформировалось в концепцию «цивилизационного государства». Это явление возникло как противодействие активизации распространения на весь мир модели евро-американской цивилизации, которая заявляла о себе не только как о самой прогрессивной, но как о единственно приемлемом варианте современной эволюции. «Государствами-цивилизациями» стали называть себя прежде всего те страны, которые начинали осознавать себя как восходящие экономические гиганты – Китай и Индия.

Профессор Коннектикутского университета Элисон Кауфман в своей статье под названием «Китайский дискурс цивилизации: прошлое, настоящее и будущее» обращает внимание на те особенности, которые возникли в интерпретации этого термина современным китайским руководством. Подчеркивая непрерывность тысячелетней цивилизационной традиции в качестве специфики китайского государства, выделяющей его в мировом сообществе, китайские лидеры используют это понятие как синоним реформирования Китая и перспективы изменения его статуса в мире. В качестве иллюстрации Э. Кауфман приводит слова Си Цзинпина: «Китай и Европа должны относиться друг к другу как «крупные цивилизации» равного веса и достоинства: Китай представляет собой важный путь восточной цивилизации, в то время как Европа является родиной западной цивилизации» [34]. Популярность нового понятия растет и в современной Индии. Как утверждает профессор Кэмбриджского университета Джайдип

Прабху, «концепция государства-цивилизации все настойчивее становится одним из терминов, которые звучат все громче и громче по мере того, как политическая судьба партии Бхаратия Джаната набирает обороты» [41].

Россия, стремящаяся к восстановлению национального суверенитета, также рассматривает это понятие как возможный вариант для осмысления своего места в мировом сообществе. После того, как В.В. Путин в 2013 г. использовал термин «государство-цивилизация» применительно к России, во многих западных работах, посвященных проблеме возвращения цивилизационной тематики в научную повестку, появились разделы, специально анализирующие «российское евразийское государство-цивилизацию» и перспективы его развития [39], [33], [45].

Несмотря на то, что актуализация идеи «государства-цивилизации» в разных странах приходится на начало XXI в., предыстория отказа от неолиберальной концепции национального государства в пользу «цивилизационного» различна. Для Китая и Индии, как считают национальные исследователи, проблема состоит в том, что эти страны долгое время находились под «прессом западной ментальности». Индия в результате прямой колониальной зависимости от Англии, Китай – из-за того, что поздно стал преодолевать экономическую бедность и относительно замкнутую изоляционистскую культурную традицию. Поскольку в основании европейской модели развития, которая рассматривалась как безальтернативный путь к модернизации, лежит идея «национального государства», страна длительное время не видела иного варианта эволюции. «Китай – это цивилизация, которая должна была долгое время изображать из себя национальное государство, чтобы адаптироваться к европейским нормам из-за своей политической и экономической слабости в конце XIX века», – пишет профессор политических наук Массачусетского технологического института, в прошлом президент Американской ассоциации политических наук, специалист по Китаю Люциан Пай [30]. Похожая ситуация наблюдалась в Индии. Индийский историк Равинда Кумар, ссылаясь на то, что во времена британского владычества предпринимались сколь насильственные, столь и безуспешные попытки реформирования паниндийского пространства в «государство-нацию», считает, что они привели к целому ряду «экзистенциальных напряжений» и настаивает на том, что современная политическая идентичность Республики должна определяться в терминах «цивилизационного государства» [35].

Над Россией 90-х гг. XX столетия не нависала тень архаичного внешнего колониализма, но в то же время для нее чрезвычайно остро стояла проблема с самоопределением в новых исторических условиях. Идеологическая неопределенность и растерянность были столь велики, что после «распада» СССР в сфере самоидентификации возникали абстрактные и спекулятивные политические фантазии. Так, предлагалось обозначить новую

форму политического бытия страны как «региональную интегрию» или же «новую форму политики» [14]. Однако наиболее горячие дискуссии велись в отношении применимости идеи «национального государства» как универсального стандарта мирового прогресса, а также обращения к какой-то из вариаций на тему империи. В частности, стремясь уйти от негативного семантического шлейфа доминирования и деспотичности, якобы обязательно присущего имперским образованиям, дискутировался термин «имперо-подобное государственное образование» [21]. Однако и он не получил серьезной поддержки научного сообщества.

В этой ситуации поворот к цивилизационному ракурсу анализа, частной и временно-промежуточной формой которого являлось понятие «государство-цивилизация», позволял если не решить, то корректно поставить настоящие вопросы российского бытия. Одной из экзистенциальных проблем многонациональной и многоконфессиональной страны была и остается проблема *связности как в пространстве, так и во времени*. Для того, чтобы существовать как единое целое, необходима выработка разными субъектами общего культурного пространства, культурного синтеза. В то же время должна быть реализована историческая преемственность, осознана и принята идея общей исторической судьбы разных народов на данной территории как в отношении прошлого, так и в отношении будущего. Но именно эти вопросы оказываются в центре внимания исследований, посвященных «цивилизационному государству».

После появления в конце XX в. термина «государство-цивилизация» («Civilization-State», «Etat-Civilisation»), который создавался по аналогии с термином «государство-нация» («Nation-State», «Etat-Nation»), поскольку был ответом на вызовы европейского менталитета, во втором десятилетии XXI в. произошла его трансформация в новую вариацию – «цивилизационное государство» («Civilizational State»), усиливающую цивилизационный акцент понятия. Эта концепция наиболее полно была проработана китайским исследователем Чжаном Венвэем, труд которого под названием «Китайская волна: Подъем цивилизационного государства» стал мировым бестселлером. В 2017 г. по приглашению Института Шиллера в Германии профессор Чжан прочитал лекцию, используя основные положения своего исследования. Встреча происходила в рамках мероприятия «Диалог цивилизаций» по посредничеству между Китаем, США и другими странами.

Стремясь дистанцироваться от евро-американской неолиберальной концепции, Ч. Венвэй выстраивает анализ китайской цивилизационной модели, критически противопоставляя ее западной интерпретации демократии, государственности и политической культуры. Отвергая американскую модель демократии как «архаичную», ибо, по его мнению, она сохранилась без изменений с доиндустриальной эпохи, а европейскую обозначая как «фор-

мальную», философ считает, что будущее принадлежит китайской демократической модели «консультативной демократии». Последняя переносит акцент с традиционных избирательных процедур на «отбор» компетентных лидеров, гарантирующий качество управления [47, с. 132].

Если в основании западной государственности лежит социальная динамика диалектического противостояния общества государству как «необходимому злу», которое общество должно минимизировать, то китайской общенациональной ценностью и основой государственности являются различные коннотации категории «общего» в рамках холистской традиции, характерной для китайского менталитета. Ценность «общего» предстает как отражение логических структур, воплощенных в китайском языке и совпадающих, по мысли Ч. Венвэя, с сутью китайского «цивилизационного государства». Китайские иероглифы, пишет он, структурированы таким образом, что следуют принципу «поиска общих точек соприкосновения при сохранении различий». «Китайский язык подчеркивает тот факт, что стремление к общности из разнообразия является главенствующей чертой китайской культуры. На мой взгляд, – пишет Ч. Венвэй, – управление цивилизационным государством следует той же логике» [47, с. 69]. Такая установка позволяет преодолеть две экзистенциальные проблемы Китая – территориальную протяженность и многоликость внутренних культур. Различия в образе жизни и менталитете типичного жителя Шанхая, типичного жителя Пекина и типичного жителя Кантона – трех крупнейших городов Китая, указывает китайский ученый, – значительно больше, чем различия между типичными немцами, французами и англичанами. Но это компенсируется указанной общенациональной ценностью, охватывающей различные коннотации категории «общего».

В отличие от европейского представительства частичных интересов через многопартийную систему, китайская государственность опирается на принцип представления всеобщего интереса – «всех под небесами», порождая централизацию власти. Главным механизмом сцепления многоликой этнической фактуры в цивилизационном государстве является позитивный взгляд на государство, восприятие его как *добродетели*, в отличие от европейского принципа, в основании которого лежит идея конфликта как импульса к развитию.

Такая интерпретация государства оформилась исторически материальными факторами существования, в частности, природной средой, в которой продолжает жить современный Китай. Это то, от чего невозможно избавиться, это тот самый императив, который, согласно утверждению Ф. Броделя, лежит в основании логики любой цивилизации, и который он назвал диктатом «структур повседневности», «диалектикой возможного и невозможного» [6]. Для Ч. Венвэя прототипом такой императивной необходимости, сформиро-

вавшей логику сильной вертикали власти в китайской цивилизации, является стихия двух крупнейших рек, определявших жизнь народа, Хуанхэ и Янцзы, для обуздания которых необходима общенациональная координация.

Эта логика легла в основание общекитайской ментальности. В китайской политической культуре, пишет профессор Чжан, присутствует различие двух категорий общественного сознания – по-китайски «минь-и» и «минь-син». Первое, в общем и целом, совпадает с тем, что понимается под общественным мнением в европейском менталитете. Второе подразумевает представление о долгосрочных интересах нации или страны. Государственное управление основывается в Китае на «минь-син». По мнению Венвэя, акцент на коллективном долгосрочном интересе отражает истинные и глубинные демократические цели, что обусловлено, в частности, быстрой текучестью быстрых сиюминутных субъективных оценок в эпоху сетевой реальности.

Специфика Китая предполагает непрерывный процесс «синицизации» (sinicization process) – привнесение «сильных и устойчивых китайских черт» в адаптируемые западные идеи. Создается не только культурное единство в рамках современности, но преследуется цель сохранения исторической преемственности. Синицизация охватывает равным образом периоды китайской коммунистической революции, маоистских социалистических экспериментов и рыночного капитализма Дэн Сяопина, каждый из которых рассматривается как неотъемлемая часть единой китайской истории и которые в совокупности определяются как уникальная «китайская модель». Таким образом продуцируется непрерывный процесс культурного синкретизма, распространяющегося на большой географический ареал [46].

Китайская модель развития не ограничивается только внутренними задачами, она предлагает миру принципиально новый проект поведения, формируя не только внутреннюю политику, но, как минимум, макрорегиональную стратегию. Ч. Венвэй сравнивает тактику и цели китайской политики с логикой национальной игры «го», которая хотя и напоминает шахматы, но принципиально разнится с ними в замысле. Если в шахматах вы стремитесь уничтожить противника, то в игре «го» цель состоит в создании позитивных тенденций, что позволяет вовлечь других игроков в процесс созидания, а не уничтожить их, убирая с дороги конкурента. В рамках мирового сообщества, заключает Венвэй, стратегия Китая должна привести к переходу от так называемой «игры с нулевой суммой» к «беспроеигрышному партнерству» в рамках глобализации, а также к замене вертикального порядка с гегемонией США на горизонтальный, который позволит выровнять возможности и силы разных «акторов».

Концепция «цивилизационного государства» обратила на себя внимание европейских исследователей. Впервые это произошло в 2008 г., когда появилась книга британского историка Мартина Жака, который длительное

время преподавал в университетах Китая и Японии, а ныне является научным сотрудником Центра дипломатии и большой стратегии Лондонской школы экономики. В своей книге «Когда Китай правит миром: конец западного мира и Рождение Нового Мирового Порядка» он утверждает, что отныне не существует единой и единственной западной современности, мы живем в эпоху «оспариваемой современности» (a new era of “contested modernity”), «раскола современности» [32].

Десятилетие спустя распространение идеи «цивилизационного государства» в не-западных странах стало восприниматься в Европе как угроза европейскому будущему и, прежде всего, проекту либеральной глобализации. По мнению европейских исследователей, концепция «цивилизационного государства» наносит ответный удар проекту европейского универсализма. В этом отношении примечательна публикация Бруно Масаеса, бывшего государственного секретаря по иностранным делам Португалии, а ныне научного сотрудника Института Хадсона в Вашингтоне. В статье под названием «Атака государства-цивилизации», которая появилась в печати в июне 2020 г. на интернет-платформе Института Берггруэна, американского аналитического центра, занятого исследованиями по преобразованию политических и социальных институтов в ответ на вызовы XXI в., Б. Масаес утверждает, что Европа, стремясь стать своеобразной формальной и абстрактной «операционной системой» для тестирования разнообразных культурных практик, пришла к тому, что потеряла собственную идентичность. Западные общества пожертвовали своими специфическими культурами ради универсального проекта, но сегодня европейский либерализм должен сосредоточиться на развитии собственных возможностей, используя их для внутреннего пользования. При этом формой реализации новой европейской перспективы с большой долей вероятности, признает он, станет общеевропейское «цивилизационное государство». «Континент, который надеялся выйти за пределы логики цивилизации, очень близок к тому, чтобы самому перейти к этой логике. Когда это произойдет, торжество «государства-цивилизации» в мире будет полным» [37], – заключает португальский политолог.

С Бруно Масаесом в этом отношении согласен Кристофер Кокер, профессор международных отношений Лондонской школы экономики, автор книги «Подъем цивилизационного государства» [31], увидевшей свет в 2019 г. Кокер использует концепцию цивилизационного государства, чтобы объяснить, почему Запад теряет, а возможно, уже потерял, монополию на ценности, которые он предполагал проецировать на весь остальной мир. Сегодня человечество стоит на пороге будущего, в котором западное превосходство не только больше не гарантировано, но и обречено на крах, потому что медленно строится новый мировой порядок – «плюрилатеральный мир», – пишет он.

Список государств, которые в своих планах обращаются к цивилизационному проекту существования, постоянно расширяется. Помимо уже названных Китая, Индии, России, к ним относят Турцию, а также растущие региональные экономики, такие как Бразилия, Индонезия и даже США времен Дональда Трампа [27], [39], [43].

Тот факт, что Китай, Россия, Индия явились первыми государствами, которые почувствовали императивную необходимость отказаться от формулы «национального государства» и переосмыслить свое существование в рамках «цивилизационных государств», поразительным образом совпадает и развивает некоторые теоретические замечания Фернана Броделя, одного из основоположников мир-системной теории.

В центре его рассуждений лежит понятие «мир-экономики», которое, как он неоднократно подчеркивал, несколько расходится с распространившимся позднее и сфокусировавшим на себе внимание исследователей понятием «миро-экономики» И. Валлерстайна¹.

Для Ф. Броделя существует не один мир-экономика, а множество, или, по крайней мере, несколько «миров-экономик», которые он также называет «мир-цивилизациями». Европейский мир-цивилизация – не единственный, наряду с ним всегда существовали, – пишет Бродель, – другие самостоятельные и самодостаточные миры-цивилизации. Таковыми он считает Россию, Китай, Индию, Турцию и некоторые другие страны. Проблема состояла в том, что европейский мир изначально был чрезвычайно активен. Сформировавшись преимущественно в Средиземноморском ареале, он вскоре переступил через Атлантику, на восточных берегах которой, по выражению Ф. Броделя, «Европа заново начинала свою судьбу» [5, с. 609]. Эта динамика открыла «время мира» – интенсивное пространство функционирования мировой экономики, своеобразной аналогии глобализирующегося пространства.

Однако не все мир-экономики, или мир-цивилизации оказались вовлечены и принимали участие во «времени мира» той эпохи, когда евро-американский регион стал господствующим на мировой арене. Часть из них, существуя как «миры-в-себе», были «зонами молчания», зонами, «где мировая история не находила отклика», зонами «спокойного неведения» [2, с. 8]. И таковыми, в частности, предстают Россия, Китай, Индия. Взгляд из современности, когда эти мир-цивилизации пробуждаются, наводит на мысль, что их можно было бы также назвать «спящими» мир-цивилизациями.

---

¹ «В основном, наши взгляды совпадают, – пишет Ф. Бродель, – даже если Иммануэль Валлерстайн полагает, что не существует никакого другого мира-экономики, кроме европейского..., в то время как я считаю, что он был разделен на ряд более или менее централизованных и связанных экономических зон, т.е. на *несколько сосуществовавших* миров-экономик» [3, с. 87–88]. (См. также: [1]).

Анализируя динамику «времени мира» (эволюции мирового сообщества), Ф. Бродель выделяет две главные фазы его развития. На первом этапе мировая система центрировалась вокруг *городов-государств*, которые последовательно сменяли друг друга в своем величии (Венеция, Антверпен, Генуя, Амстердам). Они владели миром, были его ядром, стержнем, каждый в свой промежуток времени.

За этой фазой наступила эпоха, когда активность перешла на сторону *«территориальных государств»*. Некогда это была Великобритания, создавшая мировую империю, над которой никогда не заходило солнце. Затем главную роль в истории мира стали играть США. Изменился не только формат управления, но произошло значительное качественное и количественное пространственное расширение зоны гегемонии. «Центр силы» переместился, таким образом, от небольшого полиса к протяженному пространственному месторазвитию – стране или империи.

Продолжая эту логику, сегодня можно предполагать, что наступает третья фаза мировой трансформации, когда центрами планетарного прогресса становятся более крупные пространственно и сложные социально-культурно политические образования – «мир-цивилизации», или, условно говоря, *«цивилизационные государства»* (возможно, в отдельных случаях цивилизационные «нео»-«прото»-империи). Открывается перспектива развития нового этапа «времени мира» – эпохи многополярного многоцивилизационного существования. Это позволяет допустить, что мы находимся в точке перехода, когда планетарная активность перестает ограничиваться орбитой одной европейской мир-цивилизации, полагавшей свое устройство универсальным. Проблема сегодня состоит в том, что именно возобладает – конфликтное столкновение цивилизаций, некогда предсказанное С. Хантингтоном, или плюралистическое равноправное мирное сосуществование как основа нового мирового порядка.

Евро-американский «мир-цивилизация» и его пределы

Ф. Бродель, утверждая существование нескольких «мир-экономик», определяет их одновременно как «мир-цивилизации». На большом историческом материале он показывает, что нет только экономического измерения этих миров, оно неотделимо от политического, культурного пространств, которые в совокупности образуют взаимопересекающееся «множество множеств». Этот аргумент подкрепляется для него вектором времени. «Мир-экономики» не есть результат или продукт последних столетий строго капиталистического развития. Они, как и цивилизации, существовали всегда. Так, уже древняя Финикия была по отношению к обширным империям как бы наброском «мир-экономики», «мир-цивилизации», точно так же как в свое время Карфаген, эллинистический мир, Рим и мусульманский мир.

Французский историк отмечает, что такие мир-цивилизации, как Россия, Китай, Индия, Турция представляли собой масштабные ареалы – «сверх-большие пространства» – составленные из нескольких частных образований. Россия была тесно связана с Сибирью, Кавказом, Средней Азией – регионами, претендующими на самостоятельный региональный статус. Китай окружил себя «гирляндой» зависимых государств – Кореей, Вьетнамом, Тибетом, Монголией. Индия, подобно Средиземноморью, превратила Индийский океан в свое внутреннее море от восточного побережья Африки до берегов Индонезии. Первейшим условием турецкой самостоятельности «было сверхобширное пространство: Османская империя тоже имела планетарные размеры» [2, с. 480].

«Самодостаточность» цивилизаций не означает их изоляции, но тем не менее каждая обладает внутренним единством. Каждый «мир-цивилизация» эволюционировал внутри, на своей большой территории, трансформировался по отношению к самому себе. При этом до определенного момента указанные цивилизации не принимали участия в мировом развитии «на равных» с ведущей евро-американской цивилизацией, которая из-за этого обстоятельства представлялась как единственная планетарная и универсальная цивилизация. По мнению Броделя, разрыв между западной Европой и другими регионами, который мы сегодня воспринимаем как соотношение цивилизации и остального мира, возник и углубился довольно поздно и приписывать его «рационализации», связанной с развитием рыночной экономики, есть явное упрощение. Часть этой проблемы связана с тем, что существует «историографическое» неравенство между Европой и прочим миром. Европейская действительность достаточно подробно и хорошо освещена в трудах ее историков, тогда как история не-Европы только начинает создаваться для европейской мысли.

В то же время кропотливый исторический анализ показывает, что практически во всех регионах мира эволюция как в материальной области – области технологии, так и в социальной и экономической сфере происходила практически одновременно, а в некоторые периоды и в отдельных сегментах Европа даже запаздывала. Французский исследователь находит множество идентичных форм и достижений в совершенно различных сферах: города, дороги, формы государственного управления, системы обменов оказываются схожими друг с другом по своей сути и функциям. Поэтому, справедливо замечает Ф. Бродель, «пока не будет восстановлено равновесие знаний и объяснений, историк не решится разрубить гордиев узел всемирной истории, имея в виду генезис превосходства Европы» [5, с. 122].

Обращаясь к анализу особенностей европейского «мира-цивилизации», он пишет, что Средиземноморское экономическое «месторазвитие», состоявшее в реальности из множества народов и государств, отличающихся в политическом, культурном и социальном плане, представляло собой несомненное единство. В процессе становления объединяющий – «верхний» – слой данно-

го комплекса не считался ни с границами империй (испанской, турецкой), ни с границами того, что воспринималось как отдельные цивилизации (греческой, мусульманской, христианской). Это была настолько особая зона сплоченности, что она преодолевала все возможные разделения – культурные, религиозные, политические. Другими словами, складывалось то, что сегодня мы именуем западной цивилизацией. Из обзора Ф. Броделя рождается образ этой цивилизации, создающей собственное единое «метапространство», которое проходит сквозь время, оставаясь не только устойчивым, но развиваясь, нанизывая на «цивилизационное ядро» этого пространства все новые качества и свойства, и при этом не поступаясь одним – особостью своего, «европейского», или «западного», позднее – «евро-атлантического» характера. Именно нараставшее культурное единство Запада превращало его не только в единый мир-экономику, но и фактически в «мир-культуру», «мир-цивилизацию», отмечает он [2, с. 61]. «Европа, пишет он, *невзирая* на свои ссоры или же *по их причине*, была одной единой семьей» [6, с. 341].

Особенностью европейского мира-экономики (мира-цивилизации) было то, что на его пространстве, которое, постепенно расширяясь, выплескивалось из старого Света в Новый, центр последовательно перемещался. Он не был одним и тем же, как и сама европейская цивилизация, внутренне многолика. «В центре мира-экономики всегда располагалось незаурядное государство – сильное, агрессивное, привилегированное, динамичное, внушавшее всем одновременно и страх, и уважение. Так обстояло дело уже с Венецией в XV в., с Голландией в XVII в., с Англией в XVIII и еще больше в XIX в., с Соединенными Штатами в наше время» [2, с. 45]. Смещались не только центр, но и то, что обозначается терминами полупериферии и периферии. Так, в 1736 г. итальянский автор с возмущением писал о своей стране, бывшей некогда вместилищем самых могущественных в Европе городов-государств: «Об Италии ведут переговоры, ее народы обсуждают со всех сторон так, словно бы речь вели по поводу отар овец или иных жалких животных» [2, с. 48]. Динамизм, однако, не нарушал культурно-цивилизационной сущности европейского «мира-цивилизации», который обладал как чертами, которые были притягательными для соседних цивилизаций, в частности, для российской и турецкой, так и опасными для них. Европа воздействовала на эти государства превосходством своей денежной системы, соблазнами техники, богатством товарного выбора, культурными завоеваниями. В то же время это была агрессивная цивилизация, которая стремилась перестроить соседние миры, завоевывая их рынки, изменяя их к своей выгоде.

Кульминацией эволюции европейской цивилизации для современности стало возвышение США как нового центра мира. Являясь продолжением Европы, они впитали как европейские противоречия, так и породили новые качества, связанные с освоением иного пространства.

После открытия Нового Света «Европа заново началась в Америке» [5, с. 265]. Это, действительно, была попытка воссоздать Европу, на девственном, по понятиям переселенцев, континенте построить то, что не удалось в старой Европе с ее пережитками, нагромождением разных традиций и социальными неурядицами. «Новая цивилизация рождалась не столько из планов и проектов, сколько из того отрицания, какое Новый Свет привнес в обыкновения Старого» [7, с. 10], – написал в фундаментальном труде о становлении американской цивилизации Дэниел Бурстин. Здесь осуществляли свои социальные мечты приверженцы самых разных взглядов, от творцов нового Сиона до перфекционистов, филантропов и рядовых переселенцев, которые и заложили разнообразие Америки, утвердившееся позднее в форме ультра-самостоятельности штатов, отличающихся друг от друга вплоть до партикулярного законодательства. Но всех их объединяла идея «чистого листа», нового «пустого» пространства, дарованного провидением или самим Богом для того, чтобы они могли без помех построить идеальное общество, которое будет образцом для остального мира. Все они с разной степенью фундаментализма были глубоко и религиозно убеждены в том, что «несут с собой добрые вести всему человечеству» [7, с. 54]. Эта пламенная вера и стала источником утверждения особого предназначения американской нации, ощущения ее исключительности, а также деятельного мессианства, которые она привнесла в современность.

В то же время невероятное открытие, что нежданно обретенный новый мир был «свободным пространством, свободным полем для европейской оккупации и экспансии» [26, с. 229], обернулось благоприобретенным правом на отчуждение территорий и истребление коренных жителей, составив едва ли не «родовую травму» американского сознания. К. Шмитт показывает на большом историческом материале, как обыденная христианская миссионерская деятельность последовательно преобразовывалась в основание для справедливой войны, а следом – в стимул и право на захват и очищение территорий от туземцев, которые воспринимались как варвары, противостоящие «цивилизации». Рождение такого сознания и поведения отражены в чисто американском понятии «фронтир», глубоко исследованном Ф.Дж. Тернером. Последний справедливо указывает, что американская нация сформировалась под влиянием идеалов первых поселенцев. Это была школа «агрессивной смелости, господства, непосредственного поступка, разрушительных действий», – пишет он [18, с. 229].

Российская литература нередко романтически представляет образ американского фронта как «места свершения подвигов национальных героев» и пространства свободы [8, с. 76]. Однако постоянно отодвигаемый фронтир, сопряженный с принципом «очищаемой территории», стал одним из столпов американской завоевательной политики в отношении других государств.

Ее логика сопряжена с жестким разделением народов в рамках дихотомии «цивилизация» – «варварство». Истоки – все в том же подвижном «фронтире», который еще Тернер называл «местом контакта дикости и цивилизации» [18, с. 14], а также в концепции «terra nullius», «ничейной земли», «чистого листа». О том, что эта ментальность продолжает существовать в XXI в., свидетельствуют в известном труде «Империя» М. Хардт и А. Негри, утверждая, что сегодня «мы переживаем первую фазу преобразования глобального фронта в открытое пространство имперского суверенитета» [22, с. 174].

И все же, несмотря на новообретенные черты, Америка, в глубинном культурно-цивилизационном смысле всегда оставалась «деянием Европы», причем в ее англо-саксонском изводе. Как указывает В.В. Согрин, «Англо-саксонский цивилизационный архетип господствовал в период становления североамериканского общества в XVII–XVIII вв. и сохранял огромное влияние на протяжении всей последующей американской истории. Североамериканское общество, в этом отношении, начиналось не с «чистого листа», оно возникло в XVII в. как продолжение английской истории и цивилизации, тогда уже одной из самых передовых и материально развитых» [17, с. 28–29]. Английские поселенцы, среди которых первоначально были именно англичане, ощущали себя не только полноправными наследниками Великой хартии вольностей 1215 г., но ее передовым отрядом. Никакого равноценного перемешивания национальностей не было. Эгалитаристский демократический символ «плавильного котла» в действительности был историко-социальным механизмом ассимиляции иммигрантов в американскую национальную общность на основе восприятия норм господствующей нации – англосаксонской.

С переносом европейской цивилизации на новые пространства, там был воспроизведен и коренной «внутрицивилизационный разлом» Европы между Севером и Югом, проявив себя сначала внутри будущих США, а затем в формате доминирования Северо-американских штатов над Латинской Америкой. «Европа Северная и Европа Южная воссоздали за Атлантикой свои противоречия» [2, с. 424], отмечал Бродель. И это хорошо иллюстрирует центральную идею французского историка о том, что «структурные реальности» складываются и утверждаются очень медленно, практически исчисляясь «геологическими масштабами» исторического времени, формируя малоподвижные пласты «геоистории». Они столь же медленно исчезают, постоянно воссоздавая в пространственно-временных рамках данного мира-цивилизации реплики, цивилизационные аналоги, хотя и в видоизмененной форме.

Однако история показала, что у этой евро-американской мир-цивилизации, несмотря на длительное во времени и масштабное в географическом измерении распространение, есть свои материальные и одновременно культурно-идентификационные пределы. Историческим прообразом такого материального предела, невидимой границей евро-американского мира-

цивилизации стал Тихий океан, «связь с которым у Европы-завоевательницы была ненадежной: в общем, плавание Магеллана было открытием всего лишь входной двери в Южные моря, но не двери для входа и выхода (читай: для возвращения)» [2, с. 19]. «Европа-завоевательница» отступила перед Тихим океаном, проход в который, хотя и был открыт Магелланом одновременно с открытием Америки, но не стал связующими воротами, которые позволили бы вступить в границы «не-европейского» цивилизационного ареала. Открытие Магелланова пролива в Тихий океан так и не сформировало для европейской цивилизации судьбоносную перспективу. Атлантизм – вот главное ее поприще².

Указывая на то, что принцип «пределов» присущ всем крупным «мир-цивилизационным» образованиям, Ф. Бродель пишет, что «столь же мощные преграды существовали и по границам между христианской Европой и турецкими Балканами, между Россией и Китаем, между Европой и Московским государством» [2, с. 19]. Это замечание позволяет увидеть исторически устойчивые контуры вышедших из «зоны молчания» миров-цивилизаций, формирующих новую современность. Активные мир-экономики, стремясь сделать рывок в чужое пространство, чтобы господствовать над ним, или, по образному выражению Ф. Броделя, выдвинуть в его сторону «антенну», линию высокого напряжения, предполагали включить его в свою периферию. Однако альтернативные цивилизации через природные преграды, через противостояние и реванш отторгали такое вмешательство.

Несмотря на то, что жизнь цивилизаций – это постоянное заимствование различных достижений, особенно доминантных свойств, которые наиболее удаются конкретной разновидности, это не мешает сохранению ими своих коренных особенностей и самобытности. Любое заимствование интерпретируется в соответствии с фундаментальными основами данной цивилизации и проходит процесс ассимиляции. Принимая экспорт достижений научно-технического прогресса – индустриальной материальной основы западной цивилизации – весь остальной мир не принимает всю эту цивилизацию целиком, хотя структура каждой отдельной цивилизации меняется в результате такого заимствования. «На первый взгляд, каждая цивилизация походит на товарную станцию, которая только и занимается тем, что принимает и отправляет самые разные грузы. Однако, даже если ее об этом просят, цивилизация может упорно отказываться от того или иного

---

² Самое значительное политическое событие последнего времени – создание блока AUKUS – может быть истолковано в контексте анализа и в терминологии Броделя как попытка выдвинуть «антенну» в сторону Тихоокеанского региона и таким образом «прорваться» за пределы исторически очерченной «атлантистской» мировой судьбы евро-американской «мир-цивилизации», вторгаясь в «жизненное пространство» активизировавшейся индийской и китайской цивилизационной парадигмы.

дара извне. На это указал Морис Мосс: не может существовать цивилизации, достойной так называться, если она что-то не отвергает, от чего-то не отказывается. При этом каждый раз отказ наблюдается после долгих колебаний и попыток ассимилирования. Будучи продуманным, сопровождаемый долгими сомнениями, такой отказ является чрезвычайно важным» [3, с. 59].

Сохранение глубинной структуры цивилизации происходит в результате именно этих, так называемых «цивилизационных» или «долговременных» отказов, когда цивилизация говорит решительное «нет» некоторым ключевым для нее заимствованиям, которые предлагают ей соседние цивилизации и которые являются для нее разрушительными, таким заимствованиям, при конвергенции с которыми она будет поглощена этими цивилизациями и перестанет существовать как самобытное целое. «Цивилизация чаще всего отторгает любое культурное благо, которое угрожает одной из ее структур. Этот отказ заимствовать, эта скрытая враждебность относительно редки, но они всегда ведут нас в самое сердце цивилизации» [3, с. 58]. Исторически таким радикальным отказом в Европе был отказ мира Средиземноморья принять итоги Реформации, которые захватили северные и часть ее центральных регионов. Сохранив верность католицизму, Средиземноморье осталось верным Риму и защитило свою идентичность. Причем окончательное оформление такого отказа происходило очень медленно, колебания были значительными в течение нескольких веков. Этот выбор свершается почти бессознательно, но благодаря ему цивилизация одновременно частично пересматривает свое прошлое. В результате происходит процесс самоосознания, «очищение коллективной личности», формирование обновленного облика цивилизации.

Другим примером цивилизационного отказа называют неприятие европейским миром коммунистической парадигмы. Хотя очевидно, что определенное заимствование произошло, но оно приобрело свои особые европейские черты, известные сегодня как «социальное государство» западного типа. Причем формы последнего также значительно варьируют в европейском регионе. Приняв отчасти этот выбор, Европа выкроила его по своим меркам.

Для России таковым был «долговременный отказ» 1054 г., который первоначально привел к разделению на Восточно-Ромейское и Западно-Ромейское царства. Г.П. Федотов, глубокий исследователь русского самосознания, писал об этом событии, что оно явилось источником «и своеобразия, и органичности русской культуры, ее величия и ее изъянов» [20]. «Русская мысль и сердце были отлиты по восточно-христианской форме» [20], и это основание стало формообразом для этических и культурно-политических вариаций, реплик последующих радикальных «отказов» на протяжении многоликой тысячелетней российской истории.

Линии раздела между цивилизациями очень медленно варьируют. В качестве примера Бродель приводит границу между Европой и Московским государством. «В XVII в. восточная граница европейского мира-экономики проходила на востоке Польши; она исключала [из него] обширную “Московию”. Последняя была для европейца краем света» [2, с. 19]. В XXI в. поразительно то, что несмотря на возросшие технологические возможности, эти границы воспроизводятся. Сегодня водораздел между Европейским цивилизационным пространством и российским проходит по той же линии, несмотря на прогресс в коммуникациях по сравнению с эпохой, к которой отсылает нас тезис Ф. Броделя.

Современный «долговременный цивилизационный отказ» России, наблюдающийся после необходимых по «закону жанра» длительных маятникообразных колебаний в отношениях с евро-американской «мир-цивилизацией», подтверждает определенность ее цивилизационного бытия, состоятельность как самостоятельной «мир-цивилизации», хотя сохраняется диффузность и неопределенность (неокончателность) границ ее как такой «мир-цивилизации» *hic et nunc*, «здесь и сейчас». При этом главнейшей задачей России является обретение нового энергетического импульса для самоидентификации и движения вперед.

Россия меняет вектор: ориентация на Север?

На фоне сверхактивности евро-американской цивилизации, определявшей в течение нескольких веков развитие мира, Россия предстает как одно из тех других пространств, иных реальностей, которые от него ускользают, остаются ему чужды. Но такое не-участие вовсе не означает, что эти пространства выпадают из цивилизации. Это – зона другой или других цивилизаций, которые в определенный момент могут прийти в движение и вступить во взаимодействие с динамичными центрами силы. «Зоны спокойствия» активизируются по собственной воле, не по принуждению, они вступают в поле мировой истории чаще всего по внутренним мотивам, под влиянием собственных импульсов.

Если мы посмотрим на историю России, то увидим, что она инициировала интенсивные коммуникации с европейской цивилизацией, по крайней мере, трижды за свою историю – во времена Петра I, в начале XX в. (усвоение марксистской парадигмы) и в конце XX в. И хотя об этих периодах нередко рассуждают в терминах «догоняющей модернизации», которая предполагает определенную зависимость от копируемого образца, следует признать, что Россия выходила из самоизоляции совершенно добровольно, по собственным побуждениям. Петровские реформы родились из его «Великого посольства», совершенного по высокой монаршей воле, со своими

целями и задачами. Исходом последовавших преобразований должно было стать мощное индустриальное государство, совершенно самостоятельное, цивилизационно соразмерное европейскому. События начала XX в., несмотря на дискуссии об иностранном вмешательстве, созрели в российских реалиях, и, в результате, создали новую, отличную от европейской, цивилизационную форму, хотя и в противоречии с первоначальным замыслом творцов социалистической революции как «общечеловеческой». Эксперимент 90-х гг. XX в. вначале представлялся как добровольная смена парадигмы развития на условиях партнерского равенства. По точному замечанию В.Л. Цымбурского, тогда произошел не «распад» СССР, а *сжатие* государства Российского – СССР, ибо страна сохранила свою цивилизационную и государственную идентичность [24].

При этом исторически российское пространство никогда не было абсолютно закрытым для европейского мира-экономики, о чем свидетельствуют уходящие в глубь веков торговые связи, к примеру, Новгорода с Ганзой, а позднее – коммерческие коммуникации, проходившие через Архангельск, где преобладали английские купцы, и через Нарву, которую контролировали голландцы, благодаря чему там теснились корабли со всего западного континента. Если Россия и оставалась достаточно замкнутой, то это было обусловлено не ее враждебностью по отношению к Европе, а, скорее, было следствием сосредоточенности на решении внутренних проблем – трудностей контроля над обширной территорией, малонаселенностью, восстановлением после военных столкновений с соседями. Эти препятствия создали весомые предпосылки для самоорганизации отдельно от Европы, учреждая собственную сеть связей (на основе обмена с «большим радиусом» действия в условиях большой протяженности, климатического и хозяйственного разнообразия).

В то же время в поисках устойчивого существования России приходилось неоднократно менять онтологический вектор своего развития. Глубинную логику этого движения сформулировал Н.С. Трубецкой, который писал: «Всякое государство жизнеспособно лишь тогда, когда может осуществлять те задачи, которые ставит ему географическая природа его территории» [19, с. 16]. Полагая, что существует взаимозависимость между исторической судьбой нации и спецификой того места, которое она занимает, он считал, что национальная телесность воспринимает и оценивает потенции территории, ее сильные динамические точки роста и стремится реализовать их, исходя из вызовов времени. Он обозначил исторические этапы странственных экспериментов такого рода как «географическое задание».

«Географическое задание» Киевской Руси, которая занимала лишь западную часть территории, ставшей позднее российской, писал он, определяла меридиональная ось от Балтийского моря до Черного, по которой проходил торговый путь «из варяг в греки». Вокруг этого направления выстраи-

валась успешная торгово-экономическая политика и процветание удельных княжеств до тех пор, пока набеги кочевников не остановили рост их могущества и не подорвали эффективность соответствующего политико-экономического устройства.

Уже на следующем этапе развития русского государства – в эпоху Московского царства – горизонтальная ось развития Восток-Запад, попеременно меняя ориентацию, стала для России перспективной на долгие времена. Первоначально Иван IV, реализуя западную ориентацию политики государства, пытался расширить свое влияние в этом направлении, но неудачи Ливонских войн показали бесплодность его устремлений. Восточное территориальное расширение оказалось более успешным, и с приобретением Казанского царства, а также последующего освоения Сибири, Московское царство укрепило свою государственность на длительное время. Политические стратегии Ивана Грозного, выработанные методом проб и ошибок, подтвердили масштабные кумулятивные результаты действий России именно в восточном направлении.

Несмотря на эпизодические интенсивные контакты с Европой, основным вектором пространственного движения России было направление, связанное с Востоком – Средней Азией и Сибирью. За одно столетие, пишет Ф. Бродель, Россия завладевает сибирскими пространствами, и ее продвижение остановилось только, когда она южнее натолкнулась на Китай. Таким образом, границы российской цивилизации заканчивались там, где начинались границы двух других, в ту эпоху также «молчащих», но потенциально могущественных «миров-цивилизаций» – Китая и Индии [2, с. 473]. Это отмечает и В.Л. Цымбурский, выделяя паттерн российской идентичности, который для него, несмотря на ряд деформаций, уходит корнями в Московское царство. «Органической частью становления самого Московского царства, – пишет он, – было решение “казанского вопроса”... и прорыв русских в кажущуюся беспредельность восточных трудных пространств... до встречи с китайцами» [23].

Идея связки Восток-Запад была для России очередным геополитическим заданием, которое она неотступно реализовывала вплоть до начала XXI в. После крушения Советской системы перед страной встала проблема очередного воссоздания идентичности, и для этого, по-видимости, необходима новая материальная точка отсчета. К настоящему времени можно предполагать, что все более проявляет себя «геополитическое задание», соответствующее вызовам XXI столетия – «русский Север», «Северная Евразия». Размышления над идеей Севера в XXI в. начались с Арктики, хотя климатически российский Север – это не только Заполярье, но также Сибирь, которая идентифицируется как суровое Северное пространство. Завоевание его, построение опорных ключевых городов как точек грядущего роста – первый шаг в реализации нового – северного «геополитического задания» современности.

О таком способе интенсификации освоения пространства «в условиях растянутой государственной территории» писал еще В.П. Семенов-Тян-Шанский. Главной задачей, стоящей перед Россией, он считал переосмысление ментального разрыва между «европейскостью» и «азиатскостью», подчеркивая первостепенную важность изменения привычного географического представления о Российской Империи как об искусственно делящейся Уральским хребтом на совершенно неравные по площади Европейскую и Азиатскую части. «Нам более, чем кому-либо на свете, не следует различать Европу от Азии, а, напротив, стараться соединять ее в одно географическое целое... Евразийский материк населен спокон веков двумя различными, равноправными по своему историческому развитию расами, которые можно различать только по цвету кожи, но не как «азиатов» и «европейцев»... [15], – писал русский ученый. Он называл это пространство коренным российским пространством, «особой культурно-экономической единицей Русской Евразии» [15]. Проблемой этого «сверхбольшого пространства» является сближение его географического центра и культурно-экономического. Разрешение ее возможно, по его мнению, двумя способами – через перенос столицы (например, в Екатеринбург) и через создание новых экономико-культурных центров, анклавов ускоренного развития. Именно этот второй путь, идея которого, похоже, «услышана» современной Россией, он считал предпочтительным.

Наряду с сибирским направлением, В.П. Семенов-Тян-Шанский указывает на необходимость контролировать арктическое побережье, с которым сегодня также ассоциируется в концентрированном виде идея Севера. Именно Арктика активизирует интересы всех геополитических «центров силы» современности – США, Европы, Китая и, конечно же, России.

Потенциальная значимость для России арктического региона осознавалась с конца XIX в. Л.И. Мечников в своей гидрографической цивилизационной теории отмечал, что наряду с континентальной Европой, которая в ту эпоху превратилась в «ось цивилизации» и центр культурного мира, шло образование «второстепенных» цивилизаций вокруг других морей – на берегах Северного моря это Англия и Дания, на Балтийском море – Швеция, Ливония, Россия. «Трансляция цивилизационной эстафеты», в соответствии с его воззрениями, предполагала перемещение первоначальных «центров цивилизации» в рамках третьего «океанического периода» не только с берегов Средиземного моря на берега Атлантического океана, но и последующую возрастающую «культурную ценность Северного Полярного океана» [13, с. 187].

Об особой роли для страны Северного Ледовитого океана в начале XX в. провидчески писал Д.И. Менделеев в своих трудах – «К познанию России» и «Заветные мысли». Он сосредоточил свои усилия на определении топографического центра России. Такой центр представляет, по его мнению, место опти-

мума как поиска исторической устойчивости национального пространства. Он подобен центру тяжести, указывает Дмитрий Иванович, а центр тяжести позволяет удерживать в равновесии все тело при каком угодно относительном положении его частей. Его определение важно с точки зрения обретения материального основания для скрепления телесности страны, для реализации ее связности – проблема, которая сегодня остается в России одной из важнейших. По расчетам Д.И. Менделеева, оказалось, что «центр поверхности всей России располагается между Обью и Енисеем в Енисейской губернии, немного южнее города Туруханска, лежащего вблизи от Северного полярного круга... Столь северное положение центра поверхности России определяется тем, что у нас чересчур много берегов Ледовитого океана» [12, с. 177].

Северный океан, полагал он, таит в себе огромные перспективы для социально-экономического прогресса страны, связанные с развитием в будущем коммерческого судоходства, а также с теми природными ресурсами, которые в нем сокрыты. «У России так много берегов Ледовитого океана, – писал он, – что нашу страну справедливо считают лежащей на берегу этого океана. Мои личные пожелания в этом отношении сводятся к тому, чтобы мы этим воспользовались как можно полнее и поскорее» [12, с. 44].

Идеи Д.И. Менделеева выглядят не просто пророческими. Подобно гениальному открытию пустот в его знаменитой таблице, которые предполагали предугадание на наличие неизвестных науке элементов, он определил то место, которое в ту технологическую эпоху выглядело совершенно невероятным с точки зрения значимости в хозяйственном и тем более политическом развитии страны. И эта потенция непостижимым образом оказалась в ситуации нашего времени такой, которая привлекает к себе внимание всего мира, и, к тому же, такой, которая может выступить в роли нового «геополитического задания» России, способного дать спасительный импульс для ее возрождения в XXI в.

Это тем более вероятно, что идея «России как Севера» исторически укоренена в российском культурно-цивилизационном контексте, как свидетельствуют многочисленные исследования в этой области А.А. Кара-Мурзы [9], [11], [10]. «Русское северянство», отмечает он, зародилось как полуофициальная доктрина в сочинениях императрицы Екатерины Великой, гармонично вписалось в «Историю государства российского» Н.М. Карамзина, в ее литературу и культуру в целом и воспроизводилось в европейском сознании, соотносившем все русское с лексемой «Север». А.А. Кара-Мурза показывает, что русское литературно-культурное «северянство» не ограничивается географической топонимикой, но имеет глубокие философские и цивилизационные основания, осуществляя задачу противостояния метафизического «Севера» всему метафизическому «Югу».

«Идентификационная матрица» «русского северянства», пишет он, была утрачена с переориентацией поисков русской идентичности по оси «Запад» – «Восток», не получив своего завершения. В указанной нами терминологии Н.С. Трубецкого этот период совпадает с реализацией «западно-восточного» «геополитического задания».

Ситуация стала постепенно меняться в начале XXI в., особенно в последние десятилетия, когда Россия заявила о суверенной политике государства, о необходимости аутентичного цивилизационного проекта. Одновременно проявился новый глобальный планетарный «вызов» – освоение Арктики. Для России он оказался «родным», но «отложенным», латентным, потенциально присутствующим в коллективном подсознательном, ожидающим своего часа «геополитическим заданием».

«Север» как большая идентификационная идея, и как часть ее – Арктическое геополитическое задание, сегодня становятся реальностью в результате климатических изменений, а сам Арктический океан оказывается, как выражаются западные эксперты, «частью большой политической игры XXI века» [40, с. 107].

Согласно данным доклада Межправительственной группы по изменению климата 2019 г., глобальное потепление в Арктической зоне в два-три раза выше среднепланетарного. При таких темпах Северный морской путь может почти полностью освободиться ото льда к 2040–2050 гг. Таким образом, Северный Ледовитый океан, некогда непроходимый барьер, станет мостом между Азией и Западом. Как утверждают европейские аналитики, «морская магистраль протяженностью 6000 км между портом Мурманска на Западе и Беринговым проливом на востоке должна стать одним из двигателей экономического роста России на ближайшие десять лет» [40, с. 109].

Предвиденное Д.И. Менделеевым особое значение Северного океана для будущих стратегий России становится реальностью. «Север» может стать новой, самостоятельной точкой опоры российской цивилизационной матрицы – Северной Евразии, позволяя преодолеть ставший за последние столетия едва ли не неразрешимым дуализм «Запад» – «Восток» с его длительной и сложной идеологической и политико-философской историей.

* * *

Проблема современной России состоит в том, что в конце XX в. она отреклась от стремления быть самостоятельным миром-цивилизацией. Вместо многосложного и трудоемкого, но плодотворного пути взаимодействия с европейским мир-экономикой и миром-цивилизацией, она сделала попытку стать его частью. В результате она утратила даже статус полупериферии. Точнее, на какой-то период она стала квазипериферией. Но пробле-

ма состоит в том, что на периферии все действует против зависимого не-самостоятельного государства, в том числе новые технологии, заимствование капитала и даже собственное ресурсное богатство. Страны, оказавшиеся в положении так называемых «развивающихся», или «модернизируемых», могут прогрессировать, только «сломав современный мировой порядок» [2, с. 559]. Такой слом происходит сегодня благодаря пробуждению целого ряда самостоятельных не-западных «миров-цивилизаций», в ряду которых оказывается Россия.

Переход в стадию, схематично обозначаемую как «государства-цивилизации», главной характеристикой которых является сверхбольшое единое географическое и культурно-политическое пространство, выдвигает на первый план задачу организации такого пространства, поиск механизмов сплоченности социального целого. Для России это означает необходимость осмысления ее евразийского бытия как органической целостности Европы и Азии.

Эволюция мировой системы от эпохи господства «городов-государств» через «территориальные государства» к «цивилизационным государствам», обозначая возникновение планетарных макрорегионов, перекликается с идеями русских евразийцев об образовании «государств-миров», «государств-материков», которые характеризуются политическим и социально-культурным единством и бытие которых предполагает рождение, по крайней мере, пяти пан-проектов (пан-европейского, пан-американского, пан-евразийского, пан-исламистского, пан-азиатского) [25].

Тенденция развития современного мира вполне укладываются в такое предвидение. Сегодня многовековое господство евро-американского цивилизационного образца ставится под сомнение рядом не-западных государств. Новое «время мира» предполагает единовременное сосуществование нескольких «миров-цивилизаций» – много-цивилизационность. Главная проблема заключается в возможности преодоления «столкновения цивилизаций» и выработке такого сценария существования, который может обеспечить позитивный цивилизационный баланс нового мирового порядка.

Спиридонова Валерия Игоревна – доктор философских наук, главный научный сотрудник сектора философских проблем политики Института философии РАН.

109240, Россия, Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Valeria I. Spiridonova – Sc.D. in Philosophy, Chief Research Fellow, Department of the Philosophical Problems of Politics, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

109240, 12/1 Gonchamaya str., Moscow, Russia.

vspirid@yandex.ru

Список литературы

1. Бродель Ф. Время мира. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв. Т. 3. М.: Прогресс, 1992. 680 с.
2. Бродель Ф. Грамматика цивилизаций. М.: Весь Мир, 2014. 560 с.
3. Бродель Ф. Динамика капитализма. Смоленск: Полиграмма, 1993. 127 с.
4. Бродель Ф. Игры обмена. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. Т. 2. М.: Прогресс, 1998. 634 с.
5. Бродель Ф. Структуры повседневности. Возможное и невозможное. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв. Т. 1. М.: Прогресс, 1986. 624 с.
6. Бурстин Д. Американцы: Колониальный опыт. М.: Прогресс-Литература, 1993. 480 с.
7. Валлерстайн И. и др. Закат империи США: кризисы и конфликты. М.: МАКС Пресс, 2013. 248 с.
8. Замятина Н.Ю. Зона освоения (фронт) и ее место в американской и русской культурах // *Общественные науки и современность*. 1998. № 5. С. 75–89.
9. Кара-Мурза А.А. Концепция «русского северянства» в героических одах Г.Р. Державина (к вопросу о российской идентичности) // *Политическая концептология*. 2017. № 3. С. 187–194.
10. Кара-Мурза А.А. Россия как «Север»: проблемы цивилизационной идентичности в философии Бориса Пастернака (к 130-летию со дня рождения) // *Философский журнал*. 2020. № 2. С. 5–18.
11. Кара-Мурза А.А. «Русское северянство» князей Вяземских (к вопросу о национальной идентичности) // *Вопросы философии*. 2018. № 3. С. 5–13.
12. Менделеев Д.И. К познанию России. М.: Айрис-Пресс, 2002. 576 с.
13. Мечников Л.И. Цивилизация и великие исторические реки. М.: Айрис-Пресс, 2013. 320 с.
14. Неклесса А. Преодоление Евразии // *Развитие и экономика*. 2013. № 5. С. 162. URL: <http://devec.ru/almanah/5/1307-aleksandr-neklessa-preodolenie-evrazii.html> (дата обращения 12.09.2022).
15. Семенов-Тянь-Шанский В. О могущественном территориальном владении применительно к России. Очерк по политической географии // *Пространственная экономика*. 2018. № 2. С. 144–160.
16. Смирнов А.В. Всечеловеческое vs общечеловеческое. М.: Садра: Издательский Дом ЯСК, 2019. 216 с.
17. Согрин, В.В. Цивилизационное и междисциплинарное изучение истории США // *Новая и новейшая история*. 2012. № 1. С. 25–43.
18. Тернер Ф.Дж. Фронт в американской истории. М.: Весь Мир, 2009. 303 с.
19. Трубецкой Н.С. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока // *Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана*. М.: Эксмо, 2019. С. 15–88.
20. Федотов Г.П. Русское религиозное сознание: киевское христианство. X–XIII вв. // *Библиотека Гумер*. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Article/fed_russrel.php (дата обращения: 01.06.2022).
21. Фурсов А.И. Будущее русской государственности: Нация? Цивилизация? Иное? // *Российская Федерация сегодня*. 2011. № 6. С. 25–27. URL: http://www.политуправление.рф/archiv/avtoritet/person/Fursov_nation.html (дата обращения 28.05.2022).
22. Хардт М., Негри А. Империя. М.: Праксис, 2004. 440 с.
23. Цымбурский В.Л. Остров Россия // *Русский архипелаг*. URL: https://web.archive.org/web/20090607095717/http://archipelag.ru/ru_mir/ostrov-rus/cymbur/island_russia/ (дата обращения: 17.06.2022).

24. Цымбурский В.Л. «Остров Россия» за семь лет, или Приключения одной геополитической концепции // Русский архипелаг. URL: http://www.archipelag.ru/ru_mir/ostrov-rus/cymbur/67/ (дата обращения: 25.06.2022).
25. Чхеидзе К.А. Лига Наций и государства-материки // Политнаука. URL: <http://www.politnauka.org/library/mpimo/chh.php> (дата обращения: 11.06.2022).
26. Шмитт К. Номос земли в праве народов *jus publicum europeum*. СПб.: Владимир Даль, 2008. 669 с.
27. Acharya A. The Myth of the “Civilization State”: Rising Powers and the Cultural Challenge to World Order // *Ethics & International Affairs*. 2020. Vol. 34, Iss. 2, Summer, pp. 139–156.
28. Badie, B., Dominique V. *Fin du leadership américain? L'état du monde*. P: La Découverte. 2020. 256 p.
29. Boniface P. Le monde unipolaire n'existe plus // *La mondialisation en questions / Sciences Humaines*. № 3 (290). 2017. P. 3.
30. Cho K. The Middle Kingdom: Civilisation State or Nation State? // *Knowledge. Economics & Finance*. October 21. 2009. URL: <http://knowledge.insead.edu/economics-politics/the-middle-kingdom-civilisationstate-or-nation-state-1370> (access date: 11.06.2022).
31. Coker Ch. *The Rise of the Civilisational State*. Cambridge: Polity Press, 2019. 224 p.
32. Jacques M. *When China Rules the World: The End of the Western World and the Birth of a New Global Order*. London: Penguin Books, 2012. 848 p.
33. Jain A. Comparing Civilization-State Models. China, Russia, India // *Journal of Indo-Pacific Affairs*. Summer. 2021. Pp. 93–125.
34. Kaufman A. China's Discourse of “Civilization”: Visions of Past, Present, and Future // *The Asian Institute for Policy Studies*. URL: <https://theasanforum.org/chinas-discourse-of-civilization-visions-of-past-present-and-future/> (access date: 11.06.2022).
35. Kumar R. L'Inde: État-nation ou État-civilisation? // *Hérodote: stratégies, géographies, idéologies*. No. 10. 1993. Pp. 43–60. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k56209715/texteBrut> (access date: 10.06.2022).
36. Louis Fr. Le XXIe siècle, âge des États civilisations? // *La Revue Conflits*. 4 novembre, 2019. URL: <https://www.revueconflits.com/etat-europe-mondialisation/> (access date: 26.06.2022).
37. Maçães Br. The Attack Of The Civilization-State // *Noema Magazine*. June 15, 2020. URL: <https://www.noemamag.com/the-attack-of-the-civilization-state/> (access date: 06.06.2022).
38. Mélandri P. Le déclin de l'Empire américain? // *La fin des Empires*, éd. Patrice Gueniffey, Perrin, 2016. Pp. 449–469.
39. Pabst A. China, Russia and the return of the civilisational state // *New Statesman*. 8 May, 2019. URL: <https://www.newstatesman.com/2019/05/china-russia-and-return-civilisational-state> (access date: 11.03.2022).
40. Pasquier D. Dans l'océan arctique, la Russie ne perd pas le Nord // *Revue de Défense Nationale*. 2021. № 3 (838). Pp. 107–114.
41. Prabhu J.A. Why the idea of India as a “civilisational” state will simply not fly // *Firstpost*. 2014. URL: <https://www.firstpost.com/india/idea-india-civilisational-state-will-simply-fly-1839641.html> (access date: 22.03.2022).
42. Rachman G. China, India and the rise of the “civilisation state” // *Financial Times*. 2019. 4 March. URL: <https://thelivinglib.org/china-india-and-the-rise-of-the-civilisation-state/> (access date: 16.05.2022).
43. Roussinos A. The irresistible rise of the civilisation-state // *UnHard*. URL: <https://unherd.com/2020/08/the-irresistible-rise-of-the-civilisation-state/> (access date: 22.05.2022).

44. Singh A.P. *New Paradigm For India: From Nation-State To Civilizational-State* // Swarajya. URL: <https://swarajyamag.com/books/new-paradigm-for-india-from-nation-state-to-civilizational-state> (access date: 09.03.2022).
45. Therborn G. *States, Nations, and Civilizations* // *Fudan Journal of the Humanities and Social Sciences*. 2021. № 14. Pp. 225–242.
46. Xing Li, Show T.M. *The Political Economy of Chinese State Capitalism* // *The Journal of China and International Relations*. 2013. Vol. 1, No. 1. URL: <https://journals.aau.dk/index.php/jcir/article/view/218/155> (access date: 07.05.2022).
47. Weiwei Zh. *The China Wave: The Rise of a Civilizational State*. Singapore: World Century Publishing Corporation. 2012. 190 p.

References

1. Brodel F. *Vremya mira. Materialnaya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm. XV–XVIII vv. T. 3*. M.: Progress. 1992. 680 c.
2. Brodel F. *Grammatika tsivilizatsiy*. M.: Ves Mir. 2014. 560 p.
3. Brodel F. *Dinamika kapitalizma*. Smolensk: Poligramma. 1993. 127 s.
4. Brodel F. *Igry obmena. Materialnaya tsivilizatsiya. ekonomika i kapitalizm. T. 2*. M.: Progress. 1998. 634 s.
5. Brodel F. *Struktury povsednevnosti. Vozmozhnoye i nevozmozhnoye. Materialnaya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm. XV–XVIII vv. T. 1*. M.: Progress. 1986. 624 s.
6. Burstin D. *Amerikantsy: Kolonialnyy opyt*. M.: Progress-Literatura. 1993. 480 s.
7. Vallerstayn I. i dr. *Zakat imperii SShA: krizisy i konflikty*. M.: MAKS Press. 2013. 248 s.
8. Zamyatina N.Yu. *Zona osvoyeniya (frontir) i eye mesto v amerikanskoj i russkoj kulturakh* // *Obshchestvennyye nauki i sovremennost*. 1998. № 5. С. 75–89.
9. Kara-Murza A.A. *Kontseptsiya «russkogo severyanstva» v geroicheskikh odakh G.R. Derzhavina (k voprosu o rossiyskoj identichnosti)* // *Politicheskaya kontseptologiya*. 2017. № 3. S. 187–194.
10. Kara-Murza A.A. *Rossiya kak «Sever»: problemy tsivilizatsionnoy identichnosti v filosofii Borisa Pasternaka (k 130-letiyu so dnya rozhdeniya)* // *Filosofskiy zhurnal*. 2020. № 2. S. 5–18.
11. Kara-Murza A.A. *«Russkoye severyanstvo» knyazey Vyazemskikh (k voprosu o natsionalnoy identichnosti)* // *Voprosy filosofii*. 2018. № 3. S. 5–13.
12. Mendelejev D.I. *K poznaniyu Rossii*. M.: Ayris-Press. 2002. 576 s.
13. Mechnikov L.I. *Tsivilizatsiya i velikiye istoricheskiye reki*. M.: Ayris-Press. 2013. 320 s.
14. Neklessa A. *Preodoleniye Evrazii* // *Razvitiye i ekonomika*. 2013. № 5. S. 162. URL: <http://devec.ru/almanah/5/1307-aleksandr-neklessa-preodolenie-evrazii.html> (access date: 12.09.2022).
15. Semenov-Tyan-Shanskiy V. *O mogushchestvennom territorialnom vladenii primenitelno k Rossii. Ocherk po politicheskoy geografii* // *Prostranstvennaya ekonomika*. 2018. № 2. S. 144–160.
16. Smirnov A.V. *Vsechelovecheskoye vs obshchechelovecheskoye*. M.: Sadra: Izdatelskiy Dom YaSK. 2019. 216 s.
17. Sogrin V.V. *Tsivilizatsionnoye i mezhdistsiplinarnoye izucheniye istorii SShA* // *Novaya i noveyshaya istoriya*. 2012. № 1. S. 25–43.
18. Turner F. *Dzh. Frontir v amerikanskoj istorii*. M.: Ves Mir. 2009. 303 s.
19. Trubetskoy N.S. *Vzglyad na russkuyu istoriyu ne s Zapada, a s Vostoka* // *Trubetskoy N.S. Naslediye Chingiskhana*. M.: Eksmo. 2019. S. 15–88.

20. Fedotov G.P. Russkoye religioznoye soznaniye: kiyevskoye khristianstvo. X–XIII vv. // Biblioteka Gumer. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Article/fed_russrel.php (access date: 01.06.2022).
21. Fursov A.I. Budushcheye russkoy gosudarstvennosti: Natsiya? Tsivilizatsiya? Inoye? // Rossiyskaya Federatsiya segodnya. № 6. 2011. S. 25–27. URL: http://www.politupravleniye.rf/arhiv/avtoritet/person/Fursov_nation.html (access date 28.05.2022).
22. Khardt M., Negri A. Imperiya. M.: Praksis. 2004. 440 s.
23. Tsymburskiy V.L. Ostrov Rossiya // Russkiy arhipelag. URL: https://web.archive.org/web/20090607095717/http://archipelag.ru/tu_mir/ostrov-rus/cymbur/island_russia/ (access date: 17.06.2022).
24. Tsymburskiy V.L. «Ostrov Rossiya» za sem let, ili Priklucheniya odnoy geopoliticheskoy kontseptsii // Russkiy arhipelag. URL: http://www.archipelag.ru/ru_mir/ostrov-rus/cymbur/67/ (access date: 25.06.2022).
25. Chkheidze K.A. Liga Natsiy i gosudarstva-materiki // Politnauka. URL: <http://www.politnauka.org/library/mpimo/chh.php> (access date: 11.06.2022).
26. Shmitt K. Nomos zemli v prave narodov jus publicum europaeum. SPb.: Vladimir Dal. 2008. 669 s.
27. Acharya A. The Myth of the «Civilization State»: Rising Powers and the Cultural Challenge to World Order // Ethics & International Affairs. 2020. Vol. 34, Iss. 2, Summer, pp. 139–156.
28. Badie, B., Dominique V. Fin du leadership américain? L'état du monde. P: La Découverte. 2020. 256 p.
29. Boniface P. Le monde unipolaire n'existe plus // La mondialisation en questions / Sciences Humaines. № 3 (290). 2017. P. 3.
30. Cho K. The Middle Kingdom: Civilisation State or Nation State? // Knowledge. Economics & Finance. October 21, 2009. URL: <http://knowledge.insead.edu/economics-politics/the-middle-kingdom-civilisationstate-or-nation-state-1370> (access date: 11.06.2022).
31. Coker Ch. The Rise of the Civilisational State. Cambridge: Polity Press, 2019. 224 p.
32. Jacques M. When China Rules the World: The End of the Western World and the Birth of a New Global Order. London: Penguin Books, 2012. 848 p.
33. Jain A. Comparing Civilization-State Models. China, Russia, India // Journal of Indo-Pacific Affairs. Summer. 2021. Pp. 93–125.
34. Kaufman A. China's Discourse of "Civilization": Visions of Past, Present, and Future // The Asian Institute for Policy Studies. URL: <https://theasanforum.org/chinas-discourse-of-civilization-visions-of-past-present-and-future/> (access date: 11.06.2022).
35. Kumar R. L'Inde: État-nation ou État-civilisation? // Hérodote: stratégies, géographies, idéologies. No. 10. 1993. Pp. 43–60. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k56209715/texteBrut> (access date: 10.06.2022).
36. Louis Fr. Le XXIe siècle, âge des États civilisations? // La Revue Conflits. 4 novembre, 2019. URL: <https://www.revueconflits.com/etat-europe-mondialisation/> (access date: 26.06.2022).
37. Mações Br. The Attack Of The Civilization-State // Noema Magazine. June 15, 2020. URL: <https://www.noemamag.com/the-attack-of-the-civilization-state/> (access date: 06.06.2022).
38. Mélandri P. Le déclin de l'Empire américain? // La fin des Empires, éd. Patrice Gueniffey, Perrin, 2016. Pp. 449–469.
39. Pabst A. China, Russia and the return of the civilisational state // New Statesman. 8 May, 2019. URL: <https://www.newstatesman.com/2019/05/china-russia-and-return-civilisational-state> (access date: 11.03.2022).
40. Pasquier D. Dans l'océan arctique, la Russie ne perd pas le Nord // Revue de Défense Nationale. 2021. № 3 (838). Pp. 107–114.

41. Prabhu J.A. Why the idea of India as a “civilisational” state will simply not fly // Firstpost. 2014. URL: <https://www.firstpost.com/india/idea-india-civilisational-state-will-simply-fly-1839641.html> (access date: 22.03.2022).
42. Rachman G. China, India and the rise of the “civilisation state”// Financial Times. 2019. 4 March. URL: <https://thelivinglib.org/china-india-and-the-rise-of-the-civilisation-state/> (access date:16.05.2022).
43. Roussinos A. The irresistible rise of the civilisation-state // UnHard. URL: <https://unherd.com/2020/08/the-irresistible-rise-of-the-civilisation-state/> (access date: 22.05.2022).
44. Singh A.P. New Paradigm For India: From Nation-State To Civilizational-State // Swarajya. URL: <https://swarajyamag.com/books/new-paradigm-for-india-from-nation-state-to-civilizational-state> (access date: 09.03.2022).
45. Therborn G. States, Nations, and Civilizations // Fudan Journal of the Humanities and Social Sciences. 2021. № 14. Pp. 225–242.
46. Xing Li, Show T.M. The Political Economy of Chinese State Capitalism // The Journal of China and International Relations. 2013. Vol. 1, No. 1. URL: <https://journals.aau.dk/index.php/jcir/article/view/218/155> (access date: 07.05.2022).
47. Weiwei, Zh. The China Wave: The Rise of a Civilizational State. Singapore: World Century Publishing Corporation. 2012. 190 p.